

**Костромское Научное Общество
по изученію мѣстнаго края.**

ТРУДЫ

**Костромского Научнаго Общества
по изученію мѣстнаго края.**

выпускъ III.

КОСТРОМА.
Электро-Печатня М. ф. Риттеръ.
1915.

Содержаніе.

	Стр.
Евг. Дюбюкъ. Ветлужская вотчина Дурново въ канунъ крестьянской реформы и въ первые годы послѣ нея	1
Подлинныя документы Ветлужской вотчины Дурново (изъ собранія Д. П. Дементьева)	33
Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій къ документамъ Ветлужской вотчины Дурново	138
Б. Барыковъ. Изъ жизни села Парскаго, Юрьевецкаго у., Костромской губ.	145
Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій къ статьѣ „Изъ жизни села Парскаго“	158
П. Зоринъ. Какъ веселится черемисская молодежь	159
В. Смирновъ. Крестьянская изба и ея рѣзныя украшенія въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губ.	171

10984

ПР

Ветлужская вотчина Дурново въ канунъ крестьянской реформы и въ первые годы послѣ нея.

(по подлиннымъ документамъ вотчиннаго архива изъ собранія Д. П. Дементьева).

„Сколько цѣнныхъ матеріаловъ, сколько яркихъ штриховъ хранятъ въ себѣ... вотчинные архивы, чудомъ сохранившіеся до нашихъ дней, въ которыхъ отрывочныя предписанія господъ и безграмотныя донесенія вотчинныхъ администраторовъ заключаютъ порой рельефныя картинки этой, отошедшей въ область исторіи, но еще столь близкой по воспоминаніямъ эпохи“.

Н. Полонская—Черты быта крепостныхъ крестьянъ по даннымъ вотчиннаго архива кн. Куракина и г.г. Чечериныхъ. Костромская Старина. Вып. VII. 1912 г. стр., 152.

Вотчинные архивы ждуть своей разработки. То, что разработано въ этой области трудами немногихъ изслѣдователей, среди которыхъ имѣются яркія имена, вѣроятно, неизмѣримо мало по сравненію съ тѣмъ, что могло бы быть разработано. Количество напечатанныхъ матеріаловъ этого рода не велико, а между тѣмъ безъ этой предварительной черновой работы, поднимающей цѣлину архивовъ и утучняющихъ почву для буду-

щихъ историковъ, невозможно воссозданіе въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ минувшей жизни, изученіе не только ея основныхъ чертъ, но и деталей, нерѣдко имѣющихъ существенно-важное значеніе. И съ такимъ опубликованіемъ и разработкой подлинныхъ матеріаловъ надо поспѣшить, ибо время, огонь и невѣжество людское—эти три заклятыхъ врага историческихъ памятниковъ, съ неумолимостью рока дѣлаютъ свое дѣло—истребленія тѣхъ цѣнныхъ архивовъ, какіе, по словамъ г-жи Полонской, еще чудомъ сохранились до нашихъ дней. Исторія архивовъ знаетъ яркіе примѣры, когда благодаря невѣжеству и небрежности цѣннѣйшіе документы растаскивались на курево, шли на растопку печей, съѣдались мышами.

Документы одного изъ вотчинныхъ архивовъ Костромской губ., публикуемые въ настоящемъ выпускѣ „Трудовъ Костромского научнаго общества“, также принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые „лишь чудомъ“ сохранились до настоящаго времени.

Если обычно помѣщичьи архивы съѣдаются мышами или идутъ на растопку, то печатаемымъ матеріаламъ грозилъ другой родъ смерти, что, конечно, существа дѣла не мѣняетъ и не можетъ служить утѣшеніемъ, а именно: быть погребенными въ качествѣ подклейки подъ обоями въ безвѣстной лѣсной караулкѣ, затерянной въ обширныхъ лѣсахъ далекаго Поветлужья. И если этого не случилось, то этимъ мы обязаны лишь счастливому стеченію обстоятельствъ, а именно тому, что случайно въ составѣ служащихъ помѣщичьей усадьбы оказалось лицо, прикосновенное къ архивному дѣлу. Но предоставимъ слово самому этому лицу. „Изъ этого Дурновскаго архива—говоритъ Д. П. Дементьевъ въ своемъ рукописномъ, принесенномъ въ даръ „Костромскому Научному Об-ву“ сборникѣ „Ветлужская старина“ (т. I, вып. 3, стр. V; сравн. стр. 553.)—рукописи управляющимъ Пурлевскимъ были переданы для оклейки Воздвиженскаго кордона, но, не желая уничтожить оныя, мы, будучи объѣздчикомъ въ этомъ кордонѣ, въ 1893 году воспользовались этими рукописями, которыя съ согласія управляющаго замѣнены простой бумагою“. Такимъ образомъ, лишь благодаря Д. П. Дементьеву часть Дурновскаго архива сохранилась.

Печатаемые ниже подлинные матеріалы этого архива обнимаютъ періодъ времени съ 1845 по 1865 г. и представляютъ собою дѣловую переписку, гл. обр., вотчинника и управляющаго съ мѣстной вотчинной администраціей: бурмистромъ и конторщикомъ. Всего публикуемые матеріалы включаютъ 111 документовъ, въ томъ числѣ 32 письма отъ управляющаго Ивана Емельяновича Абрамычева къ бурмистру Василию Коновалову или конторщику Леонтію Моргунову, либо къ обоимъ вмѣстѣ, 30 писемъ къ тѣмъ же лицамъ отъ вотчинника П. Д. Дурново, 15—къ главноуправляющему Ивану Даниловичу Педашенко отъ управляющаго Константина Михайловскаго и т. д. Помимо дѣловыхъ писемъ и рапортовъ въ собранныхъ Д. П. Дементьевымъ документахъ имѣются: опись о сдачѣ имущества, 11 мѣсячныхъ приходо-расходныхъ вѣдомостей, 1 вѣдомость о продажѣ лѣса и 1 таблица расцѣнокъ на лѣсныя работы. Документы эти составляютъ приложение къ уже названному рукописному сборнику „Ветлужская Старина“ и, по мысли собирателя, Д. П. Дементьева, должны были послужить главнымъ матеріаломъ для Пыщугской лѣтописи, т. е. лѣтописи района нынѣшней Пыщугской волости Ветлужскаго уѣзда (см. стр. V Сборника). Принося названную рукопись въ даръ Научному Обществу, Д. П. Дементьевъ предоставилъ Об-ву право на опубликованіе этой рукописи, а также и приложенныхъ къ ней матеріаловъ. Предполагая въ будущемъ отпечатать значительную часть сборника, Костромское Научное общество на первый разъ, въ виду недостатка денежныхъ средствъ, вынуждено ограничиться печатаніемъ лишь части документовъ, представляющихъ связное цѣлое. На основаніи этихъ документовъ пишущимъ эти строки и составленъ предлагаемый очеркъ.*) Цѣлью этого очерка было—показать, какой цѣнный историческій и бытовой матеріалъ заключается въ печатаемыхъ документахъ. Разумѣется, очеркъ далеко не исчерпываетъ всего того, что можно было бы изъ нихъ извлечь.

Въ историко-архивной работѣ неоцѣнимы заслуги собирателей и сберегателей матеріаловъ. Автору очерка хотѣлось бы.

*) Первоначально этотъ очеркъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, былъ прочитанъ въ общемъ собраніи Научнаго Об-ва 8 февраля 1915 г.

— 4 —

приступая къ изложенію документовъ, лишній разъ подчеркнуть крупную заслугу передъ мѣстной исторіей Д. П. Дементьева—одного изъ неутомимыхъ и дѣятельнѣйшихъ собирателей и сберегателей матеріаловъ по исторіи его родного Ветлужскаго края.

Имѣніе Дурново въ Ветлужскомъ у. Костромск. губ. и въ настоящее время—одно изъ крупнѣйшихъ лѣсныхъ имѣній Ветлужскаго бассейна. Въ имѣніи этомъ насчитывается свыше 27½ тыс. десятинъ всей земли, удобной и неудобной вмѣстѣ. Въ крѣпостное время въ составъ Ветлужской вотчины Дурново входили также крестьянскіе надѣлы селъ Воздвиженскаго и Никольскаго съ деревнями и деревни Колпашницы. Съ этими землями общая площадь вотчины достигала въ тѣ времена около 35 тыс. дес. Занимала вотчина Дурново нынѣшнюю Пыщугскую волость. Лежитъ эта волость въ крайнемъ сѣверо—западномъ углу Ветлужскаго у., по р. Ветлугѣ и по ея притоку Пыщугу.

У „дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера“ Павла Дмитріевича Дурново, которому въ крѣпостное время принадлежала Ветлужская вотчина, было еще другое имѣніе—здѣсь же на сѣверѣ—въ Яранскомъ у. Вятской губ., въ с. Успенскомъ; женѣ его, Александрѣ Петровнѣ, принадлежали также два имѣнія: одно—Поспѣлова Слобода, въ Епифанскомъ у. Тульской губ., другое—с. Никольское, въ Болховскомъ у. Орловской губ. Управление сѣверными вотчинами, Ветлужской и Яранской, находилось въ рукахъ одного управляющаго, имѣвшаго жительство въ Яранской вотчинѣ, въ с. Успенскомъ. Во главѣ Ветлужской вотчины стояли бурмистръ и конторщикъ.

Со всѣхъ сторонъ вотчину окружали дремучіе лѣса. Это была одна изъ коренныхъ „лѣснинъ“ Сѣверной Россіи, которыя такъ типичны для этого края. Лѣсъ былъ основной стихіей, окружавшей человѣческое жилище, и человѣкъ ничтожной песчинкой терялся въ этомъ лѣсномъ океанѣ. По даннымъ, относящимся къ настоящему времени, въ составѣ имѣнія Дурново вмѣстѣ съ отрѣзанными отъ него крестьянскими надѣлами считается не менѣе 26 тыс. дес. лѣсу, что составляетъ ¼

— 5 —

всего пространства въ указанныхъ владѣніяхъ. Въ крѣпостное время Пыщугская сторона была еще болѣе лѣсистой. По генеральному межеванію въ вотчинѣ Дурново считалось свыше 30 тыс. дес. лѣсу или 86% отъ всей площади.

Однако брошенная въ глубь лѣсовъ вотчина Дурново не была вовсе отрѣзана отъ міра. Черезъ почту и нарочныхъ сообщалась она съ Санктъ-Петербургомъ, гдѣ постоянно жилъ вотчинникъ, куда каждый годъ регулярно по зимнему пути отправлялся столовый припасъ, куда уходилъ на заработки кой-кто изъ крѣпостныхъ вотчинника; изрѣдка сносились съ Москвой, съ Тульской и Орловской вотчинами. Воднымъ путемъ, р. Ветлугой, которая еще въ тѣ времена славилась своими стерилями, вотчина соединялась съ низовьемъ Волги: по Ветлугѣ сплавляли барки съ дегтемъ вотчинной накурки, гнали лѣсъ въ плотахъ; изъ извѣстной Дубовки, съ низовьевъ Волги, привозили въ вотчину дубовскіе купцы заторговывать деготь. Оживленная переписка и дѣятельныя сношенія все время поддерживались и съ селомъ Успенскимъ въ Яранскомъ у., гдѣ жилъ управляющій, регулярно славшій бурмистру строгія предписанія. Изъ ближнихъ пунктовъ, съ которыми не порывалась связь, надо упомянуть также: г. Никольскъ Вологодской губ., гдѣ была почтовая станція, гдѣ покупался хлѣбъ для имѣнія и гдѣ приходилось бывать по судебнымъ дѣламъ, г. Макарьевъ, куда ѣздили на Крещенскую ярмарку покупать палю и шпигорья (железные гвозди большихъ размѣровъ) для барки и т. д. Вещественный слѣдъ всѣхъ этихъ сношеній и сообщеній, въ видѣ писемъ и дѣловыхъ бумагъ, остался въ вотчинномъ архивѣ.

Какъ это вообще характерно для Костромской губ. и въ частности для крупныхъ вотчинъ того времени, почти всѣ крестьяне вотчины состояли на оброкѣ. По 10 ревизіи (1858 г.) въ Ветлужской вотчинѣ числилось 1172 души, изъ нихъ 10 чел. находились при усадьбѣ Павловой, гдѣ имѣлась барская запашка, и 1162, т. е. подавляющее большинство, были на оброкѣ. Крестьяне пользовались пахотной и сѣнокосной землей, но выраженію вотчинника (письмо № 68), „безограниченно“, за что и платили оброка съ ревизской души по 5 р. 72 коп. серебр.

или по 2 р. 86 к. въ полугодье. Такой величины оброкъ платили крестьяне въ 1853—59 гг. и, вѣроятно, нѣсколько позднѣе (вплоть до ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній), а также и нѣсколько раньше (до 1853 г.). Въ болѣе отдаленныя времена оброкъ, повидимому, былъ больше. Въ одномъ изъ писемъ (№ 19) упоминается, что прежде оброкъ былъ по 30 р. съ души; здѣсь, очевидно, счетъ идетъ на ассигнаціи, въ переводѣ на серебро это составитъ 9 руб. Въ общемъ, оброкъ былъ невеликъ. Крживоблоцкій, *) говоря объ оброкахъ въ Костромской губ., указываетъ, что по Ветлужскому уѣзду платили съ тягла отъ 9 до 25 р. Если принять, что тягло состояло изъ 2¹/₂ ревизскихъ душъ, **) то оброкъ въ вотчинѣ Дурново въ 50-хъ гг. 19 ст. въ переводѣ на тягло будетъ равняться 14 р 30 к. Цыфра эта близка скорѣе къ низшему, чѣмъ къ высшему изъ предѣловъ, указанныхъ Крживоблоцкимъ. Что по своей абсолютной величинѣ оброкъ въ вотчинѣ Дурново и не могъ быть высокъ, это понятно само собою: какъ увидимъ ниже, промыслы крестьянъ были въ общемъ скудные; какихъ либо особо доходныхъ промысловъ, какъ это было, напр., въ вотчинѣ князя Куракина и гг. Чечериныхъ, описанной г-жей Полонской въ „Костромской Старинѣ“ гдѣ крестьяне были „по большей части мастеровые, какъ — то: бронзовые мастера, мѣдники, слесаря, столяры, каретники, рѣзчики, колесники, обойщики, кузнецы, обрушники и плотники... приказчики отъ купцовъ, торгующіе ручнымъ платьемъ, желѣзомъ, рыбою и масломъ“ — въ вотчинѣ Дурново не имѣлось, и, вѣроятно, платить большій оброкъ было не изъ чего.

Со всего числа оброчныхъ крестьянъ средній годовой оброкъ составлялъ около 6000 руб. серебр. Это слѣдуетъ, какъ изъ письма управляющаго Абрамычева, въ которомъ говорится, что въ счетъ оброковъ за 1849 г. предполагается послать вот-

*) см. «Описание Костромской губ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба» СПб. 1861, стр. 225.

**) Крживоблоцкій опредѣляетъ по Ветлужскому у. число тяголъ по дворянскимъ имѣніямъ въ 7164, а число помѣщичьихъ крестьянъ муж. пола въ 18104. Отсюда, на 1 тягло приходится 2¹/₂ души муж. пола.

чиннику 1000 р., да за купцами, скупщиками дегтя, осталось дегагу 6000 р., подлежащихъ внесенію въ два срока, такъ и изъ приводимыхъ ниже данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣловой переписки. Данные эти указываютъ общее число оброчныхъ душъ, а также, сколько слѣдовало къ полученію съ нихъ оброка за первый полугодіа:

На 1-ое полугодье	Число душъ	Оброкъ съ ревизской души, на серебро	Общая сумма оброка
1853	1084	2 р 86 к	3100 р 24 к
1855	1079		3085 р 94 к
1856	1034		2957 р 24 к
1857	1055		3017 р 30 к
1858	1083		3097 р 38 к
1859	1162		3323 р 32 к

Въ общемъ, какъ это видно изъ писемъ вотчинника, оброкъ поступалъ исправно, нерѣдко даже въ количествѣ сверхъ положеннаго; этотъ излишекъ зачитывался въ слѣдующее полугодіе.

Исправное поступленіе оброка обезпечивалось рядомъ мѣръ. Напр., проживавшихъ на сторонѣ (въ ПБургѣ) въ случаѣ неплательщика оброка высылали въ вотчину. Такъ, напр., было приказано поступить съ кр. д. Хлыщевки Семеномъ Филимоновымъ. Примѣнялись и другія мѣры: сдавали неисправныхъ плательщиковъ въ очереди въ рекрута, переводили на господскую запашку; обо всемъ этомъ будетъ говориться ниже.

Повидимому, лишь очень небольшое число крестьянъ проживало на заработкахъ на сторонѣ. Изъ разныхъ писемъ известно, что въ ПБургѣ проживали слѣдующіе крестьяне: дер. Хлыщевки Петръ Савельевъ Ребровъ (изв. 1849—51, 53, 54 гг.), той же дер. Андрей Васильевъ (1856 г.), той же дер. Семень Филимоновъ (1854), дер. Ерыкалихи Алексѣй Терентьевъ (1851—55, 57), дер. Реутихи Дмитрій Максимовъ (1853—58); живалъ въ Питерѣ и дворовый челоѣкъ Илья Николаевъ Батраковъ, угодившій, какъ увидимъ далѣе, за бредяжество на господскую запашку.

Итого питерщиковъ насчитывается шесть человекъ. Были у крестьянъ Ветлужской вотчины кратковременныя отлучки; напр., ходили на сѣмъ береста въ казенныя дачи сосѣдняго Никольскаго уѣзда. Вотчинникъ такъ характеризовалъ промыслы своихъ крестьянъ, въ письмѣ 1858 года (№ 68): „Промышленность крестьянъ разнородна, и нельзя опредѣлить промысла однимъ какимъ-нибудь предметомъ: гонять деготь, ткнуть рогожи и проч. Ремесленники всѣ для себя. Всѣ работники, подрядчиковъ нѣтъ“. Въ другомъ мѣстѣ есть указаніе на плетеніе лаптей на продажу. Все это промыслы, тѣсно связанные съ лѣснымъ изобиліемъ.

Общее впечатлѣніе отъ документовъ таково, что главнымъ промысломъ, которымъ собственно оправдывался оброкъ, былъ дегтярный и, быть-можетъ, тканье рогожъ. Интересно отмѣтить, что оба эти промысла, правда, въ небольшихъ размѣрахъ, сохранились въ Пыщугской волости и до настоящаго времени. Изъ „Списка населенныхъ мѣстъ“, изданнаго Костр. Губ. Земствомъ, видно, что въ дер. Сосновкѣ имѣется дегтярный заводъ, а въ д.д. Ивашкинѣ, Кривовѣ и Сементіевѣ есть рогожный промыселъ. Но въ прежнее время, надо думать, промыслы эти были значительно больше развиты. Въ частности, относительно рогожнаго промысла извѣстно, что на рогожи шло не менѣе 2000 пудовъ мочала. Изъ письма уже упоминавшагося Абрамычева, управляющаго сѣверными вотчинами, видно, что Абрамычевъ для крестьянъ Ветлужской вотчины купилъ у себя въ районѣ до 2000 пудовъ мочала, каковое и должно было быть доставлено по назначенію по первому зимнему пути (№ 4, отъ 9 окт. 1846 г.). Изъ счета, датированнаго 25 апрѣля 1845 г., слѣдуетъ, что лубья, очевидно, для нуждъ рогожнаго промысла покупались также въ г. Никольскѣ. Куда сбывался сработанный товаръ, рогожа, точно неизвѣстно, но, надо предполагать, купцу Грибанову въ г. Никольскѣ. Въ письмѣ отъ 30 окт. 1846 г. Абрамычевъ предписываетъ бурмистру объявить крестьянамъ, „чтобы всѣ свои товары поставляли къ купцу Грибанову, а кто продастъ на сторону, съ того взыщу строго“ (№ 7).

Дегтярный промыселъ въ тѣ времена вообще былъ развитъ въ Ветлужскомъ у. По неполнымъ официальнымъ свѣдѣніямъ 1857 г., заимствуемымъ нами у Крживоблоцкаго *), въ Ветлужскомъ у. было 114 дегтярныхъ заводовъ. По другимъ даннымъ, в помѣщичьихъ имѣніяхъ, собраннымъ въ 1856 г. Комитетомъ и земскихъ повинностей, въ Ветлужскомъ у. считалось 52 дегтярныхъ завода, выкурившихъ 199.297 пудовъ дегтя на сумму въ 120 тыс. руб. и 56.069 пудовъ смолы на 14 тыс. руб., а всего на 134 тыс. р.

Развитіе крестьянской сухой перегонки дерева вообще составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ того времени. При дешевой лѣса на волжскихъ рынкахъ оказывалось экономически возможнымъ сплавлять на отдаленные рынки либо бревна наиболѣе крупныхъ размѣровъ, либо продукты химической и механической переработки древесины и коры. Для всѣхъ же мелкихъ и даже среднихъ сортиментовъ дальній сбытъ былъ закрытъ. Указанное обстоятельство, при наличности дароваго или весьма дешеваго матеріала на мѣстѣ и обезпеченнаго сбыта продуктовъ въ безлѣсномъ низовьи Волги, чрезвычайно благоприятствовало развитію всякаго рода дерево-дѣльныхъ и, въ частности, перегонныхъ крестьянскихъ промысловъ. Если нельзя было сплавлять бревна въ плотахъ, то оказывалось вполне возможнымъ сплавлять въ баркахъ деготь.

У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, какое именно количество дегтя накуривалось крестьянами вотчины Дурново, но извѣстно, что барку для сплава дегтя въ 1850 г. строили „не болѣе 15 саж. длины“ (письмо Абрамычева отъ 18 янв. 1850 г.); въ этомъ году предполагалось набрать дегтя „на своей пристани“ (около села Воздвиженскаго) до 12 тыс. пудовъ и, повидимому, кромѣ того еще нѣкоторое количество и на Хорошевской пристани. Судя по этимъ и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, крестьянскіе дегтярные или, какъ писали тогда, „дехтяные“ заводы были распространены въ вотчинѣ, причемъ имѣются указанія, что деготь вырабатывался не только ямный, но и паровой, выкуривавшійся, какъ извѣстно, въ желѣзныхъ ящикахъ, вмѣщенныхъ въ печь.

*) Указ. сочин., стр. 398—399.

Почти весь оброкъ, положенный на крестьянъ, выплачивался дубовскими купцами, скупавшими деготь. Отъ этихъ купцовъ поступило за первыя полугодья 1853, 1854, 1856—1858 гг.—по 3000 р., въ 1855—1700 р., и 1859—4000 р.

Въ 1846 г. вотчина по „дехтянымъ“ дѣламъ сносилась съ дубовскими купцами: Иваномъ Растегинымъ, Григоріемъ Зайцевымъ и Афанасьемъ Лысенковымъ; съ 1853 по 1859 гг.—съ однимъ Павломъ Зайцевымъ. Въ документахъ 1849 г. упоминаются „дехтяные“ купцы Юсовъ и Абызовъ—дубовскіе ли они, не указано.

Купцы пріѣзжали въ вотчину заторговывать „дехтя“. Въ письмѣ отъ 10 декабря 1846 г. Абрамычевъ извѣщаетъ бурмистра о томъ, что у него въ Яранскѣ были дубовскіе купцы для покупки „дехтей“, выработывавшихся крестьянами Ветлужской вотчины. Купцы эти сначала заѣзжали въ эту послѣднюю вотчину къ бурмистру, но тотъ съ конторщикомъ „неосмѣлились“, какъ сказано въ письмѣ, продать имъ деготь. Абрамычевъ, управляющій, деготь имъ запродавалъ, заключивъ съ ними условіе и получивъ съ нихъ въ задатокъ 6000 р. ассигн., которыя и предполагалъ послать вотчиннику въ уплату оброка съ Ветлужской вотчины за 1846 г. (№ 9). Остальныя, слѣдовавшія по условію деньги получались по заемнымъ письмамъ.

Помимо дегтя вотчинной накурки контора покупала для перепродажи также „постороннѣе“ или, какъ сказано въ письмѣ, „вольные“ „дехтя“. Абрамычевъ, въ письмѣ отъ 18 января 1850 г., инструктируетъ вотчиннаго конторщика, Леонтія Моргунова, какъ покупать вольные „дехтя.“ „Покупку вольныхъ—пишетъ онъ—производить, не торопясь, и цѣны должны быть не выше 1 р. 50 к. за пудъ, а лучше стараться покупать безъ цѣны, т. е.—поясняетъ онъ—какія будутъ цѣны у прочихъ съ пониженіемъ 20 к. на пудъ (№ 21). Изъ другого письма Абрамычева (отъ 21 дек. 1849 г.) видно, что купецъ Юсовъ вовсе отказался отъ покупки вотчиннаго дегтя, мотивируя отказъ тѣмъ, что накупилъ „дехтей“ по 1 р. 30 к. ассигн. за пудъ. Отсюда слѣдуетъ, что пудъ дегтя на мѣстѣ стоилъ 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. на ассигн. или до 45 к. на серебро. Во что обходилась доставка дегтя на рынокъ и каковы были ры-

ночныя цѣны, это видно изъ другого письма того же Абрамычева (№ 17, отъ 3 іюля 1849 г.), въ которомъ указывается, что доставка дегтя обошлась безъ малаго въ 50 к. за пудъ, продавъ же былъ деготь вмѣстѣ съ баркой по 2 р. 40 к. пудъ, „по каковымъ расходамъ—пишетъ управляющій—рацетъ долженъ быть своимъ крестьянамъ 1 р. 85 коп. за пудъ, а постороннихъ всѣхъ рацетать 1 р. 80 к. за пудъ, ибо еще слѣдуетъ заплатить жалованіе прикащикамъ Елизарову и Зарихину и на уплату процѣнтовъ занятыхъ мною денегъ“. Когда цѣна, на которой продавъ деготь, выяснялась, вотчинная контора производила расчетъ съ крестьянами за деготь, опредѣляя сколько изъ нихъ надѣлія остается за конторой въ счетъ оброка (№№ 14 и 15).

Платежомъ оброка крестьянскіе платежи и повинности, разумѣется, не ограничивались. Кромѣ оброка въ пользу помещика, крестьянинъ долженъ былъ платить въ казну государственную подушную подать, въ общество—мірскіе сборы, долженъ былъ отправлять натуральныя повинности, платить рекрутскія деньги. За счетъ мірскихъ сборовъ производился цѣлый рядъ расходовъ въ цѣляхъ и интересахъ вотчинника. Напр., жалованіе конторщику шло изъ мірскихъ денегъ. До 1860 г. конторщикъ (Леонтій Моргуновъ) получалъ жалованія въ годъ 200 р. ассигн. Съ 1850 г., по просьбѣ управляющаго, вотчинникъ назначилъ ему изъ мірскихъ средствъ жалованіе въ 100 р. сер. Жалованіе управляющему Абрамычеву шло изъ оброчныхъ суммъ, въ размѣрѣ 35 р. 71½ к. серебр. отъ Ветлужской вотчины (№ 50). Въ 1860 г. жалованіе Абрамычеву было прибавлено; въ счетъ этой прибавы съ Ветлужскаго имѣнія изъ мірской кассы причиталось 50 р. серебр. Когда умерла А. П. Дурново, супруга вотчинника, по предписанію Абрамычева было роздано нищей братіи на поминъ души 10 р. сер; деньги эти также были взяты изъ мірской кассы. (№ 70). Приходилось отправлять также разнаго рода повинности. Напр., строилось въ 1852 г. 10 домовъ для переселенцевъ—туляковъ; на постройку за вольную цѣну изъ средствъ государственной оброчной суммы были поряжены плотники, а заготовить и вывезти лѣсъ для стройки долженъ былъ міръ „безъ всякой платы“. Раскладка этой повинности была сдѣлана

Абрамычевымъ, назначившимъ „сперва по два бревна съ души“ (№ 32).

Къ числу натуральныхъ повинностей, ложившихся на мѣръ, надо отнести также и столовую повинность. Ежегодно въ ПБургъ вотчиннику посылался столовый припасъ—то, чѣмъ такъ богата лѣснина Поветлужья—рябчикъ, и чѣмъ славились чистыя воды Ветлуги—стерлядь. Сохранилось письмо петербургскаго управляющаго Прокопія Попова съ датой 1846 г., 26 октября, въ которомъ онъ предписываетъ бурмистру „по примѣрамъ прежде бывшимъ въ минувшихъ годахъ... заготовить для стола Ея Высокопревосходительства Г-жи Маріи Никитишны (матери Павла Дмитриевича—Е.Д.) ряпчиковъ 200 паръ, а стерлядей..., сколько можно будетъ наловить“ и все это, „когда установится зимняя дорога“, отправить „въ С. Петербургъ въ собственный домъ Ея Высокопревосходительства“ (№ 6). Изъ писемъ вотчинника (№ 11, 35, 54) видно, что въ петербургскій домъ было доставлено въ 1849, 1852 и 1856 гг. по 200 паръ рябчиковъ, а стерлядей штукъ 56—85—77 соответственно.

Любопытно наставленіе, которое дѣлаетъ управляющій Абрамычевъ бурмистру: „стерлядей—пишетъ онъ въ 1856 г. (№ 57)—посылать въ ПБургъ хорошихъ въ обоихъ ящикахъ, а не такихъ, какъ прежде, мелочь; если своего лову будетъ недостаточно, то непременно купить въ городѣ Ветлугѣ, и чтобы менѣе восьми вершковъ не было ни одного, а болѣе старатся купить покрупней весомъ; посылать по примеру прежнихъ лѣтъ такое же количество.“ Отмѣтимъ, что въ 1863 г. въ вотчинѣ имѣлся стерляжий садокъ, въ которомъ было около 400 стерлядей“ (№ 82).

Надо упомянуть также о рекрутскихъ сборахъ. Сдача рекрутъ была связана съ извѣстными расходами. При очередныхъ частныхъ наборахъ повелѣвалось на провіантъ и обмундировку принимать отъ отдатчиковъ съ каждаго рекрута по 10 р. 20 коп. серебр. Въ общій декабрьскій наборъ 1855 г. на обмундированіе рекрутъ отъ отдатчиковъ брали по 7 р. 80 к. съ рекрута и кромѣ того полушубокъ.

Изъ рекрутскихъ наборовъ по документамъ передъ нами проходятъ: сначала частные очередные наборы—6-ой (1847 г.), когда повелѣвалось брать по 5 чел. съ тысячи ревизскихъ душъ, 9-ый (1851 г.), 11-ый (1854 г.—по 12 чел. съ тысячи), 12-й (1855 г.—по 10 съ тысячи), затѣмъ апрѣльскій ополченный наборъ 1855 г. (по 23 съ тысячи) и, наконецъ, декабрьскій общій по всей Россіи рекрутскій наборъ того же года (по 10 чел. съ тысячи). Въ ополченіе ставились крестьяне 20—45 лѣтъ, ростомъ не менѣе 2 арш. 2 вершковъ, безъ килы (грыжи) и на калѣки.

Изъ рекруты сдавались очередные, но наряду съ ними сдавались и неочередные, „въ зачетъ будущихъ наборовъ“. Помѣщики, осуществляя свой частный интересъ, обыкновенно старались сдавать въ солдаты наиболѣе худшіе, съ помѣщичьей точки зрѣнія, элементы. Этотъ частный интересъ совершенно неприкровеннымъ обнаруживается и въ публикуемыхъ документахъ. При сдачѣ рекрутъ вотчинная контора придерживалась совершенно опредѣленныхъ директивъ, неходившихъ отъ вотчинника. „Приказываю—писать по поводу 11-го набора вотчинникъ—преждѣ представить къ отдачѣ въ рекруты порочныхъ крестьянъ, потомъ неплательщиковъ оброка и податей, а по отдачѣ оныхъ представить изъ очередныхъ семействъ“ (№ 41). Почти буквально тѣ же указанія повторяются въ письмѣ № 45 въ связи съ 12-мъ наборомъ. Такая политика проводилась систематически. Когда въ 12-ый наборъ было сдано 11 чел. и всѣ изъ состава очередныхъ семействъ, это вызвало нескрываемое неудовольствіе со стороны вотчинника, и въ письмѣ бурмистру онъ усиленно подчеркиваетъ, что „всегда надобно стараться преждѣ отдавать въ рекруты порочныхъ крестьянъ, а потомъ уже изъ очередныхъ семействъ“ (№ 49). По поводу апрѣльскаго ополченнаго набора 1855 г. вотчинникъ приказываетъ бурмистру „дополнить отдачу ополченныхъ неплательщиками оброка и тѣми, которыя дурно себя вѣдутъ и не радѣютъ о своихъ домахъ“ (№ 48).

Какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, всѣ эти наставленія и указы не оставались на бумагѣ:

Было сдано:	Очередныхъ.	Внѣ очереди за разныя провинности.
Въ 11-ый наборъ	9 чел.	3
„ 12-й „	11 „	—
„ ополченіе 1855 г.	19 „	7
„ общій наборъ 1855 г.	9 „	1
Итого	48 „	11

Такимъ образомъ, 19% или около пятой части всѣхъ сданныхъ въ солдаты было сдано въ зачетъ будущихъ наборовъ за разнаго рода проступки и провинности, а именно: за неплатежъ оброка и податей, за нерадѣніе о своихъ домахъ, за дурное поведеніе. Въ декабрьскій всеобщій наборъ 1855 г. одинъ крестьянинъ былъ сданъ въ рекруты „за безпутную жизнь“ (№ 54). Сдавались внѣ очереди и за укрывательство отъ очередного набора. Повидимому, случаи укрывательства были нередки. Объ одномъ изъ нихъ извѣстно изъ переписки. Въ 1851 г. кр. д. Реутихи Андрей Максимовъ и кр. д. Ерыкалихи Василій Андреевъ были назначены въ рекруты, „какъ старшее очередное семейство“, но „они отъ рекрутства скрывались и въ рекруты поступали изъ младшихъ очередей“ (№ 33). Когда вотчинникъ узналъ объ этомъ, онъ положилъ такую резолюцію: „когда они изъ бѣговъ явятся въ свои дома, тогда обоихъ ихъ отдать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ. Если же который окажется негоднымъ въ рекруты, тогда его отдать въ рабочій домъ на 2 мѣсяца; это будетъ служить хорошимъ примѣромъ для охотниковъ къ побѣгамъ; потому что они ни какъ нигдѣ не могутъ скрыться отъ необходимой государственной повинности“ (№ 34).

Въ Ветлужской вотчинѣ, при усадьбѣ Павловой, какъ уже выше отмѣчалось, существовала господская запашка. Съ какого времени она заведена, неизвѣстно. Извѣстно лишь, что уже въ 1840 г. работы на ней производились (№ 2).

Цѣль, которая преслѣдовалась учрежденіемъ этой запашки, отчетливо формулируется въ письмѣ вотчинника бурмистру Василию Коновалову отъ 27 іюля 1846 г. „Цѣль учрежденія господской запашки—говорится въ этомъ письмѣ—есть та, чтобы неплательщики оброка и лѣнивцы на запашкѣ работали на мѣсто платежа оброка деньгами и тѣмъ бы пополнялся за нихъ оброкъ“. Такимъ образомъ, запашка являлась какъ бы своего рода исправительной вотчинной колоніей, своеобразнымъ варятельнымъ и педагогическимъ учрежденіемъ, причемъ, какъ будетъ видно, на работу сюда брались крестьяне не только изъ Ветлужской вотчины, но также и изъ Яранской.*).

На запашкѣ въ вотчинѣ Дурново было положено работать три дня въ недѣлю. Взамѣнъ этого предписывалось съ работающих на запашкѣ не собирать никакого оброка деньгами, кромѣ какъ на подушныя подати и мірскіе сборы (№ 2). Однако, повидимому, вопреки предписаніямъ вотчинника, вѣроятно, безъ его вѣдома, съ крестьянъ, находившихся на запашкѣ, взыскивались и оброки. Въ 1846 г. въ ПБургъ къ вотчиннику явился вр. д. Хлыщевки Ермолай Матвѣевъ, работавшій на запашкѣ съ 1840 г. и лично жаловался на прикащика (управляющаго) Абрамичева. Жалоба Матвѣева состояла въ томъ, что Абрамичевъ требуетъ съ него, сверхъ положенныхъ трехъ рабочихъ дней въ недѣлю, еще и платежа денежнаго оброка. Въ под-

* Можно думать, что вообще въ нечерноземной полосѣ Россіи, въ районѣ преобладающаго развитія оброчной системы, господская запашка, особенно въ такъ назыв. „заглазныхъ“ имѣніяхъ, т. е. такихъ, гдѣ помещикъ жилъ на сторонѣ, преслѣдовала не столько цѣли сельско-хозяйственной пронаводства, сколько являлась своего рода „каталажкой“ для провинившихся оброчныхъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ вотчина Дурново въ этомъ отношеніи не была одинока. Въ недавно вышедшей книжкѣ „Голоса Минувшаго“ (1915, № 2), въ интересныхъ воспоминаніяхъ Павла Антоновича Шульца („Остзейскій Комитетъ въ Петербургѣ въ 1856—57 гг.“) разсказывается о порядкахъ, существовавшихъ въ 1857 г. въ Костромскомъ имѣніи автора, находившемся подъ управленіемъ его дяди, Дмитрія Павловича Шипова (очевидно, извѣстнаго заводчика Шипова). Имѣніе это «по мѣстнымъ условіямъ, было чисто оброчное, ибо при скудости почвы и низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, привозимый съ Волги, земледѣліе не могло окупаться. Однако, видя, что считалъ нужнымъ держать небольшую запашку, чтобы можно было провинившихъ переводить на барщину и тѣмъ побуждать остальныхъ къ исправному вносу оброка» (стр. 165, курсивъ пашъ—Е.Д.).

тверждение своей жалобы Матвѣевъ предъявилъ тетрадку, въ которой дѣйствительно было показано, что съ него взыскано въ счетъ усадьбы Павловой въ 1841 г.—60 р., въ 1843 г.—30 р. Такъ какъ самъ вотчинникъ не могъ разобратъся, насколько справедлива была жалоба Матвѣева, то онъ письменно затребовавалъ отъ бурмистра „яснаго и подробнаго объясненія“, какъ они производятъ расчеты съ крестьянами, работающими на запашкѣ (№ 2). Что отвѣтилъ бурмистръ, мы не знаемъ. Но любопытно продолженіе этой исторіи.

Надо имѣть въ виду, что въ Ветлужской вотчинѣ, какъ это было въ обычаѣ того времени, обращеніе къ помѣщику, хотя бы и съ справедливой жалобой, строго запрещалось и каралось—вплоть до сдачи жалобщика въ рекруты. Тѣмъ не менѣе хожденіе за сотни верстъ въ ПБургъ съ жалобой къ помѣщику не было единичнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ Матвѣевымъ шелъ въ ПБургъ съ жалобой и крестьянинъ дер. Ерыкалихи Терентій Ильинъ, но не дошелъ: по болѣзни ногъ остался на дорогѣ, какъ объ этомъ узналъ вотчинникъ изъ разспросовъ жалобщика Матвѣева (№ 2).

Повидимому, въ исключеніе изъ общаго правила, вотчинникъ порѣшилъ оставить Матвѣева и Ильина безъ наказанія, о чемъ и писалъ бурмистру, но одновременно приказалъ: „объявить на мірскомъ сходѣ всемъ крестьянамъ, чтобы никто изъ нихъ не осмѣливался ходить ко мнѣ съ прозьбами. Если кому что нужно, могутъ писать объ своихъ надобностяхъ по почтѣ, а если кто осмелится и послѣ сего идти съ жалобою ко мнѣ, то я съ ослушниками строго поступлю: то есть годныхъ здѣсь въ С.Петербургѣ отдамъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, а негодныхъ буду отдавать въ рабочій домъ“ (№ 2).

Вотчинникъ писалъ бурмистру, чтобы жалобщиковъ оставить безъ наказанія. Однако мѣстное управленіе рассудило иначе. „Крестьянина Ермолая Матвѣева—пишетъ бурмистру управляющій Абрамычевъ 9 октября 1846 г.—содержать подъ строгимъ карауломъ и употреблять въ разныя работы. Полиція же въ этомъ вамъ не можетъ препятствовать. Я объ немъ донесъ помѣщику и просилъ отдать его въ рекруты и, когда получу предписаніе, тогда я Вамъ дамъ знать“ (№ 4). Содер-

жая Матвѣевъ подъ карауломъ при конторѣ (№ 7), однако въ солдаты все же сдать не былъ; по крайней мѣрѣ въ 1849 г. мы вновь встрѣчаемъ его въ Ветлужской вотчинѣ *).

Сдавались на запашку, какъ уже указано, неплательщики оброка и „лѣнивцы“. Въ 1857 г. былъ сдать въ усадьбу Павлова дворовый человѣкъ, взятый за бродяжничество—Илья Николаевъ Ватраковъ. Вина его заключалась въ томъ, что, будучи отпускаемъ по паспорту для работы въ С.Петербургъ съ платой оброка по 17 р. 15 к. въ годъ, т. е. съ 3 ревизскихъ душъ (6 р. 72 к. х 3), онъ „сего никогда почти въ свое время не выполнялъ“ и „съ 1849 года безъ виду шлялся и Богъ знаетъ гдѣ и чемъ занимался“ (№ 63).

Въ 1855 г. вотчинникъ предписалъ взять на господскую запашку кр. д. Хлыщевки Семена Филимонова Юдина. Сначала он хотѣлъ сдать въ рекруты, въ 11-ый частный очередной наборъ, но это не удалось, не удалось сдать его и въ ополченіе. Ставилось Юдину въ вину „дурное поведение и неплатежъ оброка“ (№ 54). Повидимому, Юдинъ сильно чѣмъ-то досадила вотчиннику, потому что послѣдній, въ письмѣ къ бурмистру (отъ 14 іюня 1855 г., № 49) аттестуетъ его какъ „негодна“ и предписываетъ „за нимъ имѣть строгое смотреніе, чтобы онъ занимался работами прилежно, а не гулялъ праздно; за лѣность и нерадѣніе его къ работѣ наказывать розгами“. Когда въ концѣ 1855 г. былъ объявленъ всеобщій рекрутскій наборъ, вотчинникъ снова приказываетъ сдать Юдина въ солдаты, но былъ ли онъ сдать, изъ переписки не видно.

Доходъ отъ господской запашки, вѣроятно, былъ невеликъ. Изъ одного письма (№ 67) видно, что за 1-ую половину 1858 г. съ усадьбы Павловой было выручено дохода 102 р. 62 к. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько было выручено за 2-ую половину года. Незвѣстна также площадь запашки.

* Такое настороженное отношеніе управляющаго Абрамычева къ жалобщикамъ, вѣроятно, объясняется боязнью крестьянскихъ беспорядковъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ же году, въ іюнь мѣсяцѣ, въ Яранской вотчинѣ разыгрался весьма серьезный волненія среди тамошнихъ крестьянъ, сопряженный нападеніемъ на вотчинную контору, съченіемъ старшины, смѣщеніемъ вотчиннаго начальства и избраніемъ взаимнѣ ихъ особыхъ отъ крестьянъ шести гласныхъ. См. объ этомъ въ примѣчаніи Д. П. Дементьева въ документу № 7.

Если доходъ съ запашки былъ невеликъ, то хлопотъ съ ней и недоразумѣній, видимо, было не мало. Между прочимъ, съ этой же запашкой связана еще одна исторія, на которой слѣдуетъ остановиться. Исторія эта заключается въ слѣдующемъ. Въ 1849 г. въ мартѣ мѣсяцѣ „за разные поступки“, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ Абрамычева (№ 20), были присланы на запашку крестьяне Яранской вотчины, изъ разныхъ деревень, съ наказомъ употреблять ихъ въ работу на господской запашкѣ, содержаніе имъ отпускать изъ господскаго магазина и „имѣть за ними строгое и неослабное наблюденіе и отнюдь не давать самовольно отлучаться отъ своихъ работъ“.

Несмотря на строгій наказъ, предупредить самовольную отлучку вятскихъ крестьянъ оказалось невозможнымъ, и уже въ рапортѣ отъ 21 мая того же 1849 г. бурмистръ доносилъ Абрамычеву, что изъ числа вятскихъ крестьянъ, находившихся на господской запашкѣ, 12 человекъ бѣжали въ ПБургъ „къ Его Превосходительству Господину Павлу Дмитріевичу“ (№ 16). 16 іюня, какъ извѣщалъ объ этомъ вотчинникъ, бѣглецы дѣйствительно у него были. Вотчинникъ приказалъ жалобщикамъ „житья съ свои дома“, т. е. въ Яранскую вотчину, предписать вмѣстѣ съ тѣмъ Абрамычеву „главнаго возмутителя Романа Иванова сослать въ Сибирь на поселеніе, а прочихъ, кто будетъ годенъ въ солдаты... отдать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, а негодныхъ отдать въ рабочій домъ“. Всѣхъ „прочихъ“ крестьянъ Яранской вотчины было предписано возвратитъ съ запашки „въ дома свои“ (№ 16). Извѣщая о такомъ рѣшеніи бурмистра Ветлужской вотчины, Абрамычевъ съ своей стороны предписывалъ ему—немедленно, какъ только бѣглецы вернутся изъ Питера, выслать ихъ къ нему, Абрамычеву. „Если же—добавлялъ онъ—кто изъ нихъ будетъ дѣлать грубость или возмущеніе, то непременно въ тоже время наказывать ихъ розгами и приказывать имъ немедленно идти въ дома свои“ (№ 16).

Очевидно, произведя разслѣдованіе обстоятельствъ побѣга 12 вятскихъ крестьянъ, бурмистръ Коноваловъ и конторщикъ Моргуновъ донесли управляющему Абрамычеву о томъ, что „возмутили на побѣгъ“ Ермолай Матвѣевъ, Терентій Ильинъ

и Герасимъ Васильевъ. Имена первыхъ двухъ намъ знакомы. Они были двое жалобщиковъ, которые еще въ 1846 г. самовольно ушли изъ вотчины съ жалобой къ помѣщику.*).

„Если это правда—писалъ въ отвѣтъ Абрамычевъ—то предписываю непремѣнно всѣхъ ихъ наказывать розгами при конторѣ и объявить всѣмъ: если еще кто осмѣлится дѣлать какое либо возмущеніе, тогда я буду просить разрѣшеніе Его Превосходительства Господина Павла Дмитріевича, чтобы возмутителей послать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, а негодныхъ сослать въ Сибирь на поселеніе; а вамъ (бурмистру и конторщику—Е.Д.) предписываю смотрѣть за нравственностью крестьянъ строго и при малейшемъ ихъ неповиновеніи въ то же время стараться предупреждать и виновныхъ наказывать, но—добавлялъ управляющій—при этомъ должна быть въ стороне нашей строгая справедливость“ (№ 16). Такъ какъ вѣнскіе крестьяне по приказанію вотчинника были возвращены „въ свои дома“, то для уборки хлѣба съ полей въ усадьбѣ Навашной и для уборки сѣнокосовъ было предписано „употреблять крестьянъ всѣхъ неплательщиковъ господскаго оброка и въ особенности нерадивыхъ къ домохозяйству“ (№ 16).

Повидимому, въ нѣкоторой связи съ описанной исторіей находится и побѣгъ изъ Вятской вотчины въ Ветлужскую нѣвова Сидора Тиханова, распространявшаго среди ветлужскихъ крестьянъ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Абрамычева, „ложные слухи“ и подбивавшаго крестьянъ „идти въ С.Петербургъ къ Его Превосходительству Господину Павлу Дмитріевичу“.

*) Одинъ изъ нихъ, кр. д. Ерыкалихи, Терентій Ильинъ, какъ рисуетъ это изъ матеріаловъ, былъ, что называется, человекъ беспокойный, неугомонный. Еще разъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ 1855 году. Въ письмѣ бурмистру отъ вотчинника, датированномъ 3 ноября 1855 г., предписывалось призвать Ильина въ вотчинную контору, выдать ему выписку всей недоимки, состоящей за его семействомъ и „при ономъ здѣлать ему отъ меня выговоръ за то, что онъ напрасно меня беспокоилъ своимъ прошеніемъ“ (№ 53). Какъ это видно изъ другого письма Дурново (отъ 14 іюня 1855 г., № 49), проступокъ Ильина заключался въ посылкѣ вотчиннику прошенія, въ которомъ онъ, какъ кажется, неосновательно, писалъ, что бурмистръ „намѣренъ отдать его въ опочаеніе яко бы за оброчную недоимку, которой вотчинная контора считаетъ за нимъ 300 р. асс. старинны, а онъ, Ильинъ, недоимки за собой не считаетъ, потому что онъ прежде оброкъ платилъ исправно и сполна“.

Агитация Тихонова как будто имѣла нѣкоторый успѣхъ. „Нѣкоторые якобы хотятъ послѣдовать его совѣту, на каковой предметъ будто бы собираютъ деньги по одному рублю съ съ души“—писалъ бурмистру Абрамычевъ (17 авг. 1849 г., № 19). Зачѣмъ крестьяне замыслили идти въ ПБургъ, съ какой жалобой и въ чемъ состояли ложные слухи, распространявшіеся Тихановымъ, изъ бумагъ не видно. Во всякомъ случаѣ, управляющій, Абрамычевъ, какъ это явствуетъ изъ указаннаго письма, былъ весьма обезпокоенъ происшедшимъ и строго на строго приказывалъ бурмистру: „если и понастоящее время Сидоръ Тихановъ находится у васъ въ вотчинѣ... немедленно взять его въ контору и представить къ мѣстному Становому Приставу при объявленіи какъ бѣглаго человѣка и просить препроводить его... въ мѣсто своего жительства посредствомъ внутренней стражи“. Помимо того предписывалось „собрать сходку изъ добросовѣстныхъ крестьянъ и объявить имъ всѣмъ, что Его Превосходительство Господинъ Павелъ Дмитріевичъ бродягу Сидора Тихонова приказалъ... здать въ рекруты и сверхъ того онъ замѣченъ въ кражѣ лошадей и иныѣ во избѣжаніе рекрутства и наказанія за кражу лошадей находится въ бѣгахъ и старается вовлечь другихъ въ тѣже самыя поступки, отъ которыхъ, во избѣжаніе наказанія, самъ находится въ бѣгахъ“. Крестьянамъ энергично приказывалось „что бы его Тиханова никто не осмѣливался у себя скрывать и не слушать его ложныхъ слуховъ подъ опасеніемъ за то строгаго наказанія... и чтобъ жили всѣ тихо смирно и были бы въ полномъ вашемъ (т. е. у бурмистра и конторщика—Е. Д.) послушаніи“. Тѣмъ же крестьянамъ, которые „будутъ слѣдовать примѣру бродяги Тихонова“ или „о томъ скрывать и не доводить до свѣдѣнія вашего“, управляющій грозилъ: сдать главныхъ зачинщиковъ, годныхъ къ военной службѣ, въ рекруты безъ очереди и „сверхъ того положить на нихъ прежній оброкъ, т. е. по 30 рублей съ души“. Бурмистру и конторщику управляющій предписывалъ: „засимъ наблюдать строго и доносить ему рапортами о благосостояніи и о повиновеніи крестьянъ каждою почтою; въ противномъ случаѣ, если этого вами исполнятся не будетъ или будетъ вами что-либо отъ меня

скрыто, тогда я и объ васъ донесу Его Превосходительству, какъ объ участникахъ къ возмущенію крестьянъ“. Въ частности, обращаясь къ бурмистру, управляющій писалъ: „ты никакимъ угрозъ Тиханова не бойся, всѣ его слова есть ложныя, а потому во всѣмъ дѣйствуй, какъ тебѣ предписывается Его Превосходительствомъ и мною“. Тѣмъ же письмомъ (№ 19) „наказаніе за всѣми ложными слухами и уничтоженіе ихъ“ въ особенности возлагалось на конторщика Моргунова.

Очевидно, послѣдствія того, что съ мѣстными крестьянами работи на господской запашкѣ не ладились, рѣшено было переселить въ усадьбу Павлову крестьянъ изъ Тульского имѣнія, изъ Финифанской вотчины, а, быть можетъ, и они, какъ и ихъ предшественники—вятичи, были взяты на запашку за какия-либо провинности. Какъ бы то ни было, въ 1851 году было предписано строить для переселенцевъ 10 домовъ, съ назначеніемъ окончить ихъ къ 1 сент. 1852 г. (№ 32). Переселялись туляки съ собственными лошадьми. При переселеніи почему то у нихъ были отобраны собственные деньги, но потомъ возвращены за вычетомъ истраченнаго на покунку для ихъ лошадей сѣна (№ 30). Переселились они въ Ветлужскую вотчину, повидимому, въ концѣ 1852 г. Дальнѣйшія свѣдѣнія о переселенцахъ—тулякахъ относятся къ 1856 году. Въ одномъ изъ писемъ къ бурмистру (отъ 25 октября 1856 г.) Абрамычевъ „въ послѣдній разъ“ подтверждаетъ бурмистру, чтобы онъ старался, „какъ можно больше смотрѣть за Тульскими крестьянами, чтобы они усердней занимались работой и платили оброкъ наравнѣ съ Ветлужскими крестьянами“ (№ 57). По ревизской сказкѣ 1857 г. всего Тульскихъ переселенцевъ были 43 души муж. пола и 51 душа женскаго пола (№ 65). По X ревизіи при усадьбѣ Павловой числилось 10 чел.; были ли это туляки или кр-не Ветлужской вотчины, неизвѣстно.

Съ 1860 г., въ канунъ крестьянской реформы, начинается ликвидация запашки. Хотя и было приказано посѣвъ хлѣба и уборку сѣнокоса производить по старому безъ всякой перемѣны (№ 78), но одновременно съ этимъ состоялось распоряженіе о постепенной ликвидаціи скотнаго двора: „будетъ удобный сбытъ къ продажѣ скота, то рогатаго скота убавить всего на половину,

а именно: изъ дойныхъ коровъ оставить самыхъ лучшихъ 17 головъ, а оставшихъ продать⁴, оставить двухъ порозовъ; всѣхъ быковъ кладныхъ, годныхъ къ продажѣ продать; продать до половины телятъ, изъ лошадей оставить только пару, господскую, остальныхъ при удобномъ случаѣ продать, а ямщину при конторѣ съ 1861 г. сдать крестьянамъ. Скотниковъ, ихъ было два, было предписано водворить въ деревни, въ которыя они записаны, выдавъ имъ для обзаведенія избами каждому по 20 р. и освободивъ ихъ на 3 года отъ всѣхъ повинностей и податей, которыя за нихъ должно оплачивать об-во; „землею же надѣлить наравнѣ съ прочими крестьянами“ (письмо Абрамычева бурмистру 29 сентября 1860 г., № 74). Въ 1863 г. господскаго скота въ вотчинѣ оставалось всего лишь три лошади да двѣ коровы (№ 81).

Чѣмъ ближе, перелистывая страницу за страницей, документы вотчиннаго архива, подходимъ мы къ половинѣ 60-хъ годовъ, тѣмъ яснѣе видно, что что—то въ жизни вотчины ломается, что идетъ какая—то перестройка всѣхъ жизненныхъ отношений, создается что—то новое. Глухое броженіе среди надѣльныхъ крестьянъ и побѣги изъ вотчины въ Пбургъ съ жалобами къ помѣщику являются какъ бы прелюдией къ ликвидаціи крѣпостныхъ отношений, предвѣстниками новыхъ временъ. Упраздняется господская запашка, этотъ своеобразный карательный институтъ для неисправныхъ оброкоплательщиковъ, крестьяне изъ крѣпостныхъ превращаются во временно—обязанныхъ, приостанавливается постройка, „какъ ненужный въ настоящее время“, хлѣбный магазинъ (№ 77), идетъ отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ, вводятся уставныя грамоты. Къ сожалѣнію, самая реформа оставляется документами какъ бы въ тѣни; въ нихъ мы не находимъ указаній на тѣ или другія конкретныя формы и факты. Но уже по самому тѣлу документовъ, по мелкимъ, но характернымъ намекамъ и штрихамъ видно, что наступаетъ новая эпоха, открывается новый кругъ жизни. Среди крестьянъ, повидимому, царитъ какое—то особое настроеніе, кажется, немножко безпокойное, вызванное, быть—можетъ, преувеличенными надеждами. Очевидно, это настроеніе заставляетъ управляющаго, извѣстнаго намъ и ви-

даннаго вида Абрамычева, настораживаться. Какъ бы чего не вышло? Любопытно его письмо къ бурмистру, датированное 10 мая 1861 г. „Уставныя грамоты по Ветлужскому имѣнію—нинѣшнѣ онѣ—составлять я буду самъ, для чего къ 15-му числу мая мѣца я буду къ тебѣ въ село Никольское; до моего прѣзда все распоряженіе и управленіе остается на прежнемъ основаніи. Сенокосъ господскій убирать въ свое время по прежнему, а если крестьяне въ чемъ будутъ упорствовать, то противъ мѣстнаго Г. Станового и Г. Мироваго Посредника о наказаніи ослушниковъ, и крестьянамъ внушай, если онѣ будутъ дѣлать ослушаніе, то имъ будетъ хуже, и могутъ поставить къ нимъ воинскую команду“. *) Изъ другого документа, письма управляющаго Ветлужской вотчиной, К. Михаловскаго **) (отъ 16 мая 1864 г.), можно предположить, что недовольство крестья-

*) Описанія Абрамычева, боявшагося возникновенія крестьянскихъ безпорядковъ, имѣли нѣкоторыя основанія. Изъ весьма цѣнной сводки дознаній свѣтскихъ генералъ—майоровъ и флигель—адъютантовъ, съ марта по май 1861 г., сдѣланной А. З. Попельницкимъ видно, что крест. безпорядки непосредственно за объявленіемъ „воли“ происходили во многихъ мѣстахъ. Не упоминали они и Костромскую губ. По словамъ Попельницкаго, „изъ Костромской губ. фл.—ад. Арапетовъ доносилъ, что въ многихъ селеніяхъ крестьяне еговорились не платить оброка, не ходить на барщину и тѣмъ вынудить помѣщиковъ къ преждевременнымъ уступкамъ. Неповиновеніе крестьянъ проявилось во всѣхъ уѣздахъ губерніи, но больше всего въ Кинешемскомъ, гдѣ въ имѣніяхъ фонъ—Менгдена и Эйхлера крестьяне отказались отъ исполненія смѣшанной повинности, приняли въ томъ крестное клятвоу, говоря на требованіе выдачи зачинщиковъ: пусть берутъ всѣхъ. На соглашеніе съ губернаторомъ, Арапетовъ для предупрежденія на будущее время подобнаго „неповиновенія и самоуправныхъ стачекъ среди крестьянъ рѣшилъ употребить войско; узнавъ о движеніи войска, крестьяне выслы виновныхъ, посѣщили заплатить оброкъ, принялись за работы и прогнали лошади“. Дальнѣйшему успокоенію крестьянъ содѣйствовало открытіе вѣданаго общественнаго управленія и вступленіе въ должность мировыхъ посредниковъ“ („Великая Реформа“. А. З. Попельницкій—Первые шаги крестьянской реформы, т. V, 208.)

**) Названный Михаловскій былъ однимъ изъ первыхъ отдѣльныхъ управляющихъ собственно Ветлужской вотчиной. Какъ мы уже знаемъ, раньше мѣстная вотчинная администрація состояла изъ бурмистра и посредника, а управляющій сѣверными вотчинами жилъ въ Яранскомъ у. Въ 1861 г. въ Ветлужскую вотчину былъ назначенъ управляющимъ по лѣсной части вѣсто Николай Моргуновъ, который, впрочемъ, подписывался въ дѣланныхъ бумагахъ, титуловалъ себя управляющимъ Ветлужскимъ имѣніемъ. Въ сентябрѣ 1863 г. управляющимъ Ветлужской вотчиной вмѣсто Моргунова назначенъ Константинъ Михаловскій.

янь питалось, между прочимъ, включеніемъ въ надѣль земель, которыя они считали неудобными (овраги и пр.) и взаимѣнь которыхъ желали получить покосы по теченію рр. Ветлуги и Пищуга (письмо № 86). Повидимому, въ концѣ концовъ все обошлось благополучно, и крестьянами надѣль былъ принятъ безъ особыхъ недоразумѣній.

Мы видѣли выше, что все вотчинное хозяйство было построено на оброкѣ, который, во свою очередь, опирался на мѣстные крестьянскіе промыслы, гл. обр., на выкурку дегтя. Съ ликвидаціей оброчныхъ отношеній все вотчинное хозяйство должно было подвергнуться коренной перестройкѣ. И перестройка эта произошла въ сторону развитія лѣсопромышленности въ узкомъ смыслѣ этого слова на началахъ вольнаго труда. Чрезвычайно характерная черта: до 1861 г. о лѣсѣ, какъ таковомъ, въ дѣловой корреспонденціи почти не упоминается. Пишутъ о рябчикахъ и стерлядяхъ, о запашкѣ и оброкахъ, объ аппеляціонныхъ жалобахъ въ сенатъ и о дегтѣ... а о лѣсной промышленности почти ни слова. Но вотъ «цѣпь великая порвалась», и письма оказываются переполненными свѣдѣніями объ условіяхъ лѣсной заготовки, о стоимости разработки того или другого сортамента, и проч. Если судить по этимъ письмамъ, то развитіе лѣсопромышленности, какъ таковой, въ широкомъ масштабѣ собственно и начинается въ Ветлужской вотчинѣ съ крестьянской реформы. Но то, что произошло въ Ветлужской вотчинѣ, а именно перенесеніе центра тяжести съ кустарныхъ деревообрабатывающихъ промысловъ на собственно лѣсную промышленность, типично не только для одной Ветлужской вотчины, но и для всего Ветлужскаго края. Объективныя условія этой эволюціи мы должны себѣ представить такимъ образомъ. Съ одной стороны, быстрый ростъ южно—русскаго рынка, въ частности низовьевъ Волги, въ связи съ заселеніемъ степей, влекущей за собою подъемъ цѣны на лѣсъ, создалъ возможность разработки и сплава въ Ветлужскомъ районѣ такихъ сортиментовъ, которые раньше сбыта не имѣли. Если раньше можно было сплавлять лишь деготь и смолу въ судахъ или выработывать лубья на мочалу, то теперь все въ возрастающихъ

размѣрахъ находить рынокъ бревенникъ. Съ другой стороны, незначительное даровое сырье, питавшее крестьянскіе кустарные промыслы. Пока были крѣпостныя отношенія, сырьемъ этимъ можно было пользоваться въ вотчинныхъ лѣсахъ. Получая оброкъ благодаря развитію разнаго рода лѣсныхъ промысловъ, вотчинникъ не склоненъ былъ взыскивать съ крестьянъ еще небыли пошлины за пользованіе сырьемъ для промысла. Но чѣмъ опредѣленнѣе вырисовывалась неизбежность реформы, тѣмъ ответственнѣе было стремленіе со стороны вотчинника регулировать некими бесплатныя пользованія своихъ крестьянъ. Съ наложеніемъ же пошлины на сырье, служившее матеріаломъ для кустарныхъ промысловъ, промыслы эти становились менѣе доходными. Малопродуктивность же промысловъ неизбежно должна была толкать крестьянъ въ русло растущей лѣсной промышленности въ собственномъ смыслѣ слова. Въ развитіи послѣдней былъ заинтересованъ и помѣщикъ, такъ какъ надо же было чѣмъ—либо замѣстить уничтоженіе оброчныхъ. Крестьяне владѣльческіе до введенія уставныхъ грамотъ и государственные—до полученія владѣнныхъ записей—говорится въ «Докладѣ Ветлужской Уѣздной Земской Управы объ экономическомъ положеніи населенія Ветлужскаго уѣзда» *)—пользовались землею въ довольно значительномъ количествѣ чрезвычайно, и обѣ группы вели подсѣчное хозяйство, которое безъ всякаго удобренія давало обычные урожаи и съ избыткомъ вознаграждало трудъ земледѣльца. Въ тоже время крестьяне обѣихъ категорій пользовались въ лѣсахъ или безденежно, или на весьма малое вознагражденіе правомъ добыванія мочала, бересты, смолья и сдиркою корья; охота, бортевое пчеловодство въ лѣсахъ и ловля рыбы въ рѣкахъ и озерахъ производились крестьянами бесплатно. Такое даровое и почти безконтрольное пользованіе со стороны крестьянъ богатствами края давало имъ возможность развить промыслы: рогожный, дегтекурение, смолочурение, обить корья на кожевенные заводы, бортевое пчеловодство и охоту въ весьма обширныхъ въ то время лѣсахъ на

*) См. Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ с-хоз. промышленности КВН. Востротенная губернія. СПб. 1903, стр. 265.

пушиного звѣря и птицу. Послѣ введенія уставныхъ грамотъ и послѣ выдачи владѣнныхъ записей чрезполосное пользование земельными угодіями прекратилось, такъ какъ земля, полученная крестьянами въ надѣлы, была выдѣлена къ одному мѣсту, преимущественно вокругъ ихъ селеній“. Измѣнились и другія условія крестьянскаго быта: къ охраненію частныхъ и казенныхъ лѣсныхъ дачъ „были приняты болѣе строгія мѣры, и прежній свободный доступъ въ нихъ крестьянамъ прекратился“.

„Результатомъ новаго порядка вещей явился постепенный упадокъ вышеупомянутыхъ промысловъ: рогожного, выкурки смолы и дегтя, которые, при оплатѣ владѣльцу стоимости продуктовъ для ихъ производства, оказались малоходными для крестьянъ и хотя сохранились до настоящаго времени, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Право охоты и рыбной ловли въ частныхъ и казенныхъ дачахъ осталось за владѣльцами, и за право охоты въ нихъ владѣльцы начали взимать съ крестьянъ денежную плату; бортовое же пчеловодство, за воспрещеніемъ ставить борти въ казенныхъ и частновладѣльческихъ лѣсахъ и за неимѣніемъ у крестьянъ своихъ угодій, почти совсѣмъ прекратилось. Съ упадкомъ вышепоименованныхъ казенныхъ промысловъ населенія въ уѣздѣ развился новый промыселъ—лѣсная выработка. Бывшіе владѣльцы крестьянъ, по выходѣ послѣднихъ на волю, перестали заниматься веденіемъ полевого хозяйства, считая таковое малоходнымъ, а нашли болѣе выгоднымъ, въ виду повышенія цѣнъ на строевой и даже дровяной лѣсъ въ низовыхъ поволжскихъ городахъ, заняться выработкою и сплавомъ лѣса на рѣку Волгу ивъ оставшихся въ ихъ владѣніи лѣсныхъ дачъ“.

Мы привели эту длинную выписку, потому что она въ общемъ правильно характеризуетъ пережитую Ветлужскимъ краемъ экономическую эволюцію со времени реформы 61 года. По матеріаламъ Дурновскаго архива можно довольно отчетливо прослѣдить, какъ постепенно складываются новыя регулированныя отношенія между вотчиной и крестьянами. Въ ноябрѣ 1850 г. управляющій Абрамычевъ „строго приказываетъ“ бурмистру и конторщику „наблюдать за лѣсами, дабы изъ крестьянъ

никто не смѣлъ для плетенія лаптей на продажу“ истреблять липовый лѣсъ (№ 28). Какъ кажется, это единственное и первое по времени до 1860 г. ограниченіе свободного пользованія крестьянъ вотчиннымъ лѣсомъ. Въ 1860 г. въ письмѣ отъ 23 іюня Абрамычевъ регулируетъ условія пользования матеріалами для дегтекуренія (№ 73); въ этомъ письмѣ предписывается „назначенную пошлину съ крестьянскихъ дегтарныхъ заводовъ за пользование дровами изъ господскихъ лѣсовъ непременно взыскать по три коп. серебромъ съ каждой пуда дегтя и выслать къ господину при оброкѣ во 2-ую половину года.“ Тоже и въ отношеніи береста: „за бересто взыскивать особо пошлину по 4 рубли серебромъ съ сажени“. При этомъ драть бересто разрѣшено лишь при соблюденіи опредѣленныхъ условій, а именно: драть его со стоячихъ деревьевъ, но отнюдь не рубить, а сдирать ножами, привязанными къ пазамъ, отнюдь топорами не прорубать кору, отчего она можетъ подохнуть“. Въ этомъ предписаніи мотивъ сбереженія лѣсовъ прорисовывается чрезвычайно явственно. Черезъ годъ въ іюлѣ 61 года также было разрѣшено производить съемъ береста, но лишь „по старымъ съемкамъ“... „въ новыхъ же мѣстахъ совершенно воспрещено снимать бересто“. Пошлина за снятое бересто въ этомъ году назначена по 6 руб. сер. съ куб. саж., т. е. въ 1½ раза больше, причемъ предписано съ дегтярями заключать „условіе“ и „деньги получать по окончаніи выработки вперед“, т. е., очевидно, до продажи выработаннаго товара. Въ этомъ же письмѣ предписывается „за лѣсами смотрѣть строго и стѣнать самовольныхъ порубокъ не позволять“. Въ томъ же 61 году вводится особая лѣсная стража—предписано нанять для охраны лѣсовъ 5 человекъ особыхъ смотрителей—изъ безработно—отпускныхъ людей съ назначеніемъ имъ опредѣленнаго мѣсячнаго вознагражденія. „Можно нанимать и постоянныхъ—говорится въ письмѣ—лишь бы были честные и съ поведеніемъ“. Точно также предписывалось „строевого и дровяного лѣса сырорастущаго отнюдь никому не давать, а давать для отпущенія крестьянамъ валежный лѣсъ“ (№ 76). Въ другомъ предписаніи, отъ 1 октября 1861 г., указано, что конторщикъ Николай Моргуновъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать

съ Леонтиемъ Моргуновымъ) уполномоченъ наблюдать за цѣлостью лѣсовъ, за что ему назначалось жалованія 100 р. сер. въ годъ; пойманныхъ въ самовольной порубкѣ предписывалось отсылать „куда слѣдуетъ для законнаго сужденія“ (№ 77). Всѣ эти мѣропріятія достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о перемѣщеніи центра тяжести вотчинной жизни на лѣсную промышленность и о выросшей цѣнности лѣса. Изъ денежнаго отчета по имѣнію за 1864 г. видно, что въ этомъ году за цѣлостью лѣсовъ помимо управляющаго смотрѣли старшій „полѣсникъ“ и 10 младшихъ, т. е. контингентъ стражи сравнительно съ 61 годомъ былъ удвоенъ. Изъ вѣдомости отпусковъ лѣса за тотъ же годъ видно, что отпускъ крестьянамъ дровъ и пр. производился въ значительной степени изъ мертваго (лежалаго и сухостойнаго) лѣса и за опредѣленную таксу. Напр., куб. саж. дровъ на корню изъ растущаго лѣса отпускалась: березовыхъ дровъ по 1 р., сосновыхъ 80 к., оловыхъ 70 к., осиновыхъ и ольховыхъ 50 к. и т. д. (см. приложенную къ настоящему очерку табличку, гдѣ сведены цѣны на дрова и другіе сортименты).

Съ осени 1863 г. вотчинная контора дѣлаетъ попытки хозяйственной разработки лѣса. На сходѣ временно—обязаннымъ крестьянамъ вотчины было предложено выработывать лѣсную сплавъ по опредѣленной расцѣнкѣ, за деньги; однако крестьяне вести разработку на такихъ условіяхъ не соглашались, предлагая въ свою очередь работать изъ—половины (№ 79). Повидимому, соглашеніе не состоялось, такъ какъ въ приходо—расходныхъ вѣдомостяхъ вотчины за 1864 г. какихъ—либо поступлений и расходовъ, связанныхъ съ разработкой лѣса, не значится. *) Осенью 64 года управляющій Михайловскій искалъ лѣсопромышленниковъ для вырубкы 4 тысячъ оловыхъ деревьевъ. По этому поводу велись переговоры съ разными выработчиками—крестьянами. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ взялись работать Адуевскіе (т. е. изъ Одоевской волости) лѣсопромышленники. Волость эта и въ настоящее время пользуется широкой извѣстностью благодаря своимъ

*) Въ сводной формѣ эти вѣдомости приведены въ приложеніи къ настоящему очерку, а подробно напечатаны въ матеріалахъ.

выработчиками, а названіе Адуя (ветлугая—плотовщика) стало даже нарицательнымъ. Разрѣшено было вырубить 5000 деревьевъ. Въ дѣйствительности же за рабочій сезонъ 1864—65 гг. было выработано 6199 бревенъ, въ т. ч. 4102 сосновыхъ и 1097 оловыхъ, длиною 5—7 саж. и толщиною въ верхнемъ отрубѣ отъ 6 до 16 вершковъ. Помимо этого лѣса, предназначавшагося для отправки въ Козьмодемьянскъ (лѣсная ярмарка была устья Ветлуги), въ навигацію 1865 г. изъ имѣнія Дурнова было сплавлено 22 лодки, барка и 2 дощаника. За выработку барки и дощаниковъ контора получила отъ предпринимателя, которымъ оказался бывший управляющій Н. Моргуновъ, 270 р. сер. Въ 1864 г. заготовлялось въ вотчинѣ и мочало. Изъ письма № 88 видно, что всего было помочено и выработано мочала 5760 лубковъ вершковъ отъ 2 до 4 1/2. Осенью 1865 г. также предполагалась выработка лѣса. Предстаровалось выработать 2 тыс. бревеннику размѣромъ отъ 7 вершковъ 7 сажень, и не менѣе 5 тыс. бруса, отъ 8, 9 и 10 вершковъ 3 саж. и 7 и 8 верш. 4 сажень—на условіяхъ повальной разработки съ прибавленіемъ на каждую сотню деревьевъ 10 деревьевъ въ пользу владѣльца. Лѣсъ долженъ былъ быть сплавленъ до Саратова или Самары. Еще въ ноябрѣ выработка едана не была и это по той причинѣ, что, какъ указано въ одномъ письмѣ, „здѣшніе крестьяне брусомъ не занимаются, а преимущественное занятіе у нихъ бревенникомъ“. Назвѣны предлагали измѣнить условія, а именно такимъ образомъ, чтобы выработывать одинъ бревенникъ безъ бруса и сплавать его лишь до Козьмодемьянска. Состоялось ли въ конечномъ результатѣ соглашеніе, неизвѣстно. Интересно также отмѣтить, что въ этомъ году въ имѣніе являлись временно—обязанные крестьяне вотчины, а затѣмъ также уренскіе крестьяне (т. е. изъ Уренской волости Варнавинскаго у.) съ предложеніемъ продать имъ лѣсъ на корню для самостоятельной выработки его на сплавъ въ низовые города. Словомъ, повсюду налаживалась лѣсная промышленность въ собственнѣмъ смыслѣ слова.

